

Научная статья

УДК 94 (470.6) "18"

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.7>

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ПРАВОСЛАВНОГО СЯЩЕННИЧЕСТВА В УСЛОВИЯХ СЕВЕРОКАВКАЗСКОГО ФРОНТИРА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Сергей Степанович Лазарян^{1*}, Юрий Юрьевич Клычников²

^{1,2} Пятигорский государственный университет (дом 9, пр-кт Калинина, Пятигорск, 357532, Российская Федерация)

¹ Доктор исторических наук, профессор
aflost@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2440-7118>

² Доктор исторических наук, профессор
klichnikov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3345-8793>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Авторы статьи, оттолкнувшись от концепта «фронтир», предложенного в своё время американским исследователем Ф.Д. Тёрнером для описания пограничных территорий Северной Америки и характера развивавшихся там процессов вмененной трансформации, производимой европейскими переселенцами на базе архетипов англо-саксонского наследия, использовали его в качестве установочной модели для рассмотрения преобразовательных действий, производившихся со стороны Российской империи на Северном Кавказе в первой половине XIX века. Выявив параллели и указав на отличия северокавказского фронта и его участников от фронта североамериканского, авторы сосредоточили своё внимание на антропологических аспектах, совершавшихся процессов в пограничном пространстве социокультурной переходности, выбрав в качестве репрезентативного объекта священнослужителей Русской Православной церкви в силу важности исполняемой ими роли. **Материалы и методы.** Исследование производилось на основе аналитического осмысления большого ряда работ отечественных и зарубежных историков-кавказоведов, этнологов и политологов, изучавших феномен пограничья и обстоятельств инкорпорации Северного Кавказа в состав Российской империи в первой половине XIX века, и основывалось на принципах историзма и научной объективности. Обращение к научному творчеству конкретных ученых обуславливалось, прежде всего, глубиной и всесторонностью их проникновения в существо исторического пространства, в рамках которого реализовывался северокавказский фронт. **Анализ.** Опираясь на представленные трактовки Т.М. Баррета, С.М. Маркедонова, Д.И. Олейникова, авторы определили сущность северокавказского фронта как приграничной, порубежной контактной зоны межкультурного взаимодействия различных этносоциальных и этноконфессиональных групп, находившихся в конкурентных отношениях с Российским государством. Точка зрения Е. Копарева и Ф.М. Ласкеева на роль военного духовенства дала возможность выявить не только познавательный потенциал, содержащийся в их работах, но осветить и выявить общее и особенное в

целесолагании предписанного священнического служения в условиях столкновения и противоборства, пропитавшего чрезвычайностью пространство Северного Кавказа в названную эпоху. Опираясь на мнение протоиерея И. Беляева, были выявлены необходимые качества человеческой природы и её нравственных принципов, обязательных для предназначенного священнического поприща на Кавказе. **Результаты.** По итогам проведенного исследования можно констатировать, что разные и многочисленные факторы северокавказского фронта отражались в биографиях священнослужителей самым причудливым образом, вопреки вменённым им обязанностям и исполняемым поприщам. Для одних священнослужителей вышеописанная ситуация становилась фундаментом их нравственного героизма, тогда как для других – дорогой нравственного умопомрачения и деградации.

Ключевые слова: северокавказский фронт, священники, духовное служение, нравственные установления, неустойчивый быт, факторы влияния, социальные инверсии

Для цитирования: Лазарян С. С., Клычников Ю. Ю. Человеческое измерение в повседневной жизни православного священничества в условиях северокавказского фронта первой половины XIX века // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 4. С. 661–667. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.7>

Конфликт интересов: один из авторов статьи – доктор исторических наук, профессор Клычников Юрий Юрьевич является членом редакционной коллегии журнала «Гуманитарные и юридические исследования». Авторам неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 14.01.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 21.03.2024.

Статья принята к публикации: 25.05.2024.

Research article

THE HUMAN DIMENSION IN THE EVERYDAY LIFE OF THE ORTHODOX PRIESTHOOD IN THE CONDITIONS OF THE NORTH CAUCASUS FRONTIER IN FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY

Sergey S. Lazaryan^{1*}, Yury Yu. Klychnikov²

^{1,2} Pyatigorsk State University (9, Kalinina Ave., Pyatigorsk, 357532, Russian Federation)

¹ Dr. Sc. (History), Professor
aflost@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2440-7118>

² Dr. Sc. (History), Professor
klichnikov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3345-8793>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. The concept of "frontier" was proposed by the American researcher F.D. Turner to describe the border territories of North America and the nature of the processes of imput-

ed transformation that developed there, carried out by European settlers on the basis of the archetypes of the Anglo-Saxon heritage. The authors of the article used the concept as a setting model for

© Лазарян С. С., Клычников Ю. Ю., 2024

considering the transformative actions carried out by the Russian Empire in the North Caucasus in the first half of the 19th century. Having identified parallels and pointing out the differences between the North Caucasian frontier and its participants from the North American frontier, the authors focused their attention on the anthropological aspects of the processes taking place in the border space of sociocultural transition. The clergy of the Russian Orthodox Church was chosen as a representative object due to the importance of the role they played. **Materials and Methods.** The research was carried out on the basis of analytical understanding of a large number of works by national and foreign Caucasian historians, ethnologists and political scientists who studied the phenomenon of the borderland and the circumstances of the incorporation of the North Caucasus into the Russian Empire in the first half of the 19th century. The study was based on the principles of historicism and scientific objectivity. The appeal to the scientific creativity of specific scientists was determined, first of all, by the depth and comprehensiveness of their penetration into the essence of the historical space within which the North Caucasian frontier was realized. **Analysis.** Based on the presented interpretations given by T.M. Barrett, S.M. Markedonov and D.I. Oleynikov, the authors defined the essence of the North Caucasian frontier as a border contact zone of intercultural interaction of various ethnosocial and ethnoconfessional groups that were in competitive relations with the Russian state. The points of view on the role of the military clergy shared by E. Koparev and F.M. Laskeyev made it possible to identify the cognitive potential contained in their works. They also allowed specifying the general and special in the goal setting of the prescribed priestly service in conditions of collision and

Введение. Создатель термина «фронтир» (frontier – граница, рубеж) американский исследователь Фредерик Д. Тёрнер, обозначал им приграничную полосу во внутренних районах североамериканского континента – «место контакта дикости и цивилизации» [14, с. 14], – которая отделяла белых поселенцев от территорий проживания индейских племен [14, с. 6-7]. Эта полоса и прилегающее к ней пространство, оставалась какое-то время пространством неопределенности, в котором встречались и сталкивались социокультурные модусы, разные по силе, потенциалу и возможностям. Имея превосходство в военно-технической вооруженности, и выработав соответствовавшие месту и времени идейно-организационные механизмы, поселенцы, переносившие туда свои жизненные устои и идеалы существования, стали доминировать, медленно продвигаясь с востока на запад, и в том же направлении транспортировали мироустройство, опиравшееся на архетипы англосаксонского наследия, обновив и наполнив их своими самостоятельными творческими решениями при создании «сложноорганизованной городской жизни, возникавшей из примитивных экономических и политических условий фронта» [14, с. 13].

Авторы статьи, оттолкнувшись от фундаментальной концепции данной идеи, увидели в ней параллели, в определенной степени сходные с процессами освоения северокавказских территорий Россией, одновременно имевшими ряд отличий. Прежде всего, освоение североамериканского континента и передвижение линии пограничного состояния производилось различными социальными силами самостоятельно, в то время как российское продвижение на Северный Кавказ осуществлялось уполномочен-

ными государством людьми или теми, кто находился под его непосредственным протекторатом. К тому же северокавказский фронт не был девственной территорией, так называемыми «свободными землями», ожидавшими культурного освоения. Он представлял пограничное пространство встречи различных цивилизационных проектов, место их противостояния и соревнования.

Keywords: North Caucasian frontier, priests, spiritual service, moral principles, unstable life, influence factors, social inversions

For citation: Lazaryan SS, Klychnikov YuYu. The human dimension in the everyday life of the Orthodox priesthood in the conditions of the North Caucasus frontier in first half of the 19th century. Humanities and law research. 2024;11(4):661-667. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.7>

Conflict of interest: one of the authors of article – Yuri Yu. Klychnikov, Dr. Sc. (History), Professor, is a member of Editorial Board of journal "Humanities and law research". The authors are not aware of any other potential conflict of interest relating to this manuscript.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 14.01.2024.

The article was approved after reviewing: 21.03.2024.

The article was accepted for publication: 25.05.2024.

ными государством людьми или теми, кто находился под его непосредственным протекторатом. К тому же северокавказский фронт не был девственной территорией, так называемыми «свободными землями», ожидавшими культурного освоения. Он представлял пограничное пространство встречи различных цивилизационных проектов, место их противостояния и соревнования.

Кроме того, российские участники освоения северокавказского пограничья не создавали там и новых институтов политического и общественного устройства, способных сделаться основаниями для конституционных модификаций, но приспособляли аборигенные условия к требованиям имперской государственной системы. Северокавказский фронт (в отличие от североамериканского) преодолевался не спонтанными индивидуальными потребностями, а целенаправленно государственными интересами, а также не вытеснялся из поля поселенческого социокультурного пространства, а вмещался в имперское пространство почти без разрушения аборигенной традиции.

Материалы и методы. Опираясь на труды целого ряда ученых, авторы определили сущность северокавказского фронта как приграничной, порубежной контактной зоны межкультурного взаимодействия различных этносоциальных и этноконфессиональных групп, находившихся в конкурентных отношениях с Российским государством. Одним из лидеров среди них был американский исследователь Кавказа Т.М. Баррет, который отметил, что «российское продвижение через Северный Кавказ было чем-то большим, чем просто завоевание: оно было также и процессом образования фронта – приграничной, порубежной зоны» [1, с. 165]. Современный

политолог С.М. Маркедонов, также определил фронтир в качестве зоны межкультурного взаимодействия, реализовавшегося «вне четко установленных и признанных государственных границ» [11]. Д.С. Олейников соглашается с наличием фронтирного пространства на Северном Кавказе, но считает его пространством сложносоставным, где местные народы одновременно оказались частью фронтирной зоны не только Российской империи, но также Персии и Османской империи [12].

Исходя из вышесказанного и признавая ведущую роль государства в деле преодоления фронтирного состояния Северного Кавказа, следует также отметить, что, задавая вектор развития, Российское государство, между тем, не могло обуславливать всех сторон человеческого измерения в существовавших реалиях, всех видов и форм индивидуального реагирования на повседневные события. Жизнь на фронтире предполагала от попадавших в его пространство людей волевых усилий, энергии, твердости убеждений и соответствующей направленности в действиях. Фронтир как место неустоявшееся, текучее, место борьбы конкурирующих мотивов и устремленности мог самым причудливым образом влиять на тех, кто по каким-то причинам или повелению мог сделаться его соучастником. Влияние фронтирных обстоятельств было всесторонним и способно было перекомбинировать личностный потенциал любого человека, освобождая его от императивности прежних морально-нравственных и культурно-правовых установлений, подталкивая к использованию тех форм, которые актуализировались и отвечали условиям места и времени, вынуждая людей выбирать способы жизни, которые по разным причинам могли противоречить их прежним социально-сословным правилам.

В подвижной полосе северокавказского фронта, насыщенного духом и практикой чрезвычайности, ежечасно угрожающими и испытывавшими на прочность архетипы любой традиционности, от всех добровольных или вынужденных участников возникавших коммуникаций требовалось немалое напряжение духовных и физических сил, чтобы оставаться в рамках своего привычного быта и предписанного образа жизни.

В данных обстоятельствах роль людей, способных поддерживать несущие конструкции позитивного бытия и сохранять приверженность к морально-нравственным постулатам имперского сообщества, претендовавшего в непривычном и альтернативном пространстве нового существования, оставаться непреклонным в выполнении выпавшей миссии, была ежедневной необходимостью. Этой потребностью определялась также роль церковнослужителей, выступавших не только духовным оплотом и средством поддержания форм и способов, присущих разнородным агентам имперского преобразовательного влия-

ния, но также посвящавших себя исполнению трёх основных пастырских обязанностей – учить, воспитывать и нравственно руководить «пасомых в духовной жизни» [10, с. 138].

Анализ. В связи с вышесказанным, место священнослужителей в системе преобразовательных усилий государства на Северном Кавказе было столь значимым, что имперские власти не могли позволить себе даже малой доли ослабления внимания к деятельности своих эmissаров, в которых всегда была большая нужда и которых в первой половине XIX в. никогда не умели найти в достаточном количестве. Поэтому их контингенты комплектовались под давлением обстоятельств срочной необходимости, не позволявших в должной мере отбирать и искать людей, в полной мере отвечавших возлагаемому на них предназначению.

Государственные чиновники, представлявшие в регионе волю высших властей империи, постоянно справлялись об их поведении, образе жизни, способностях и усердии в вере [8, л. 10]. Будучи среди тех, кто в первых рядах соприкасался с обитателями фронтирных регионов, и кому поручалось влиять на умонастроение и волю людей, священнослужители не только наставляли паству в правилах веры и законе Божием, но были частью уполномоченной когорты устроителей имперского сообщества на новых территориях.

В силу множественности общепользовных функций, которые церковным служителям предписывали их общественное положение и государственные потребности, от них ожидали повсеместной трезвости, целомудрия, благоговейности, учительства, почтительности, кротости, снисходительности к людским слабостям. Они должны были показывать себя пред обществом не ханжами и лицемерами, но искренними и чистосердечными служителями Богу, царю и отечеству и во всякое время держать в памяти, что «отправлены на святое дело не для насыщения алчбы в корыстолюбии, но для приобретения славы Божия, пользы государства и для спасения душ человеческих» [2, с. 76-77].

Проповедуя, например, слово Божие в войсках, расположенных на Кавказе, священники должны были находиться там «для воспитания, в том числе патриотического... для молебствий, для ободрения православных воинов гласом веры и благословения церкви, для доставления раненым и умирающим утешения веры и Св. Причастия» [9]. Кроме того, священники обязаны были «ограждать воинских чинов от вредных учений, искоренять в них суеверия, исправлять нравственные их недостатки, увещивать ... порочных нижних чинов, предотвращать отступления от православной церкви и, вообще, заботиться об утверждении воинских чинов в вере и благочестии». Сами же священники, по долгу своего звания, обязаны были «вести свою жизнь так, чтобы воинские чины видели в них назидательный для

себя пример веры, благочестия, исполнения обязанностей службы, доброй семейной жизни и правильных отношений к ближним, начальствующим и подчиненным» [12, с. 17].

Интенсивность жизни на фронтире самым причудливым, иногда даже, непредвиденным образом отражалась в повседневном общественном поведении, воплощалась в самые неожиданные формы эмоционального или рассудочного реагирования на предлагавшиеся обстоятельства.

Ожидаемо в предполагавшейся предписанности многие священнослужители Русской Православной церкви выказывали самоотверженное служение долгу перед Богом и людьми, на избранном поприще не жалевших своих сил и даже жизни. Примером мог быть диакон станицы Баталпашинской Василий Дмитриев, который в начале сентября 1831 г. был изрублен шашками и брошен в топкой балке набежавшими из-за Кубани горскими грабительскими наездниками [5, л. 1], которые никогда не щадили христианских священников, видя в них авангардных представителей враждебного им мироустроительного влияния.

Другой священник Симеон Стефанов, исполнявший по воле Кавказской Духовной консистории христианские требы во вновь устроенных на Лабинской линии на реке Чамлыке станицах, укреплявший станичников и солдат в вере христовой, а также в неубывающей приверженности к правящей монаршей фамилии и погибший от рук неприязненных закубанских горцев, напавших на конвой, отъехавший от названных станиц на 10 верст в августе 1842 г. В службе своей он состоял беспорочно 25 лет, из которых 11 лет в сане священника [6, л. 1, 6].

Исполняя пастырское служение среди болящего населения военных госпиталей или в лечебных заведениях гражданских поселений в мрачные периоды усиленного распространения губительной заразы (холеры), многие священники давали примеры деятельности, которая «жарким светом освещала сгустившийся мрак массового ужаса и панического страха пред свирепой язвой и живительной теплотой горячей веры и сердечного теплого участия к безнадежному страданию заразных больных согревала холодных от маловерия и отчаяния подавленных бедой людей» [10, с. 139].

Позитивный пример подавали священники казенных селений Тихорецкого – Иван Островский, Новорождественского – Николай Рязанов, Терновой Балки – Павел Разсудов, Новопокровского – Антон Соколов, Песчанокского – Василий Орлов, Новогорлыкского – Трофим Орлов, Медвежьего – Дмитрий Попов, Безопасного – Дмитрий Жевтонов, Петровского – Василий Надеждин, – добровольно изъявивших желание обучать крестьянских мальчиков в открываемых

приходских училищах в продолжении года безвозмездно [7, л. 1 об.].

Блестящим подвигом в пастырских летописях отметились бывший главный священник Кавказской армии протоиерей С.И. Гумилевский, обративший в православную веру 400 раскольников и иноверцев или протоиерей А.О. Гнедовский, который «христианским терпением и кротостью убеждений сломивший упорное сопротивление целой массы темных сил... при основании церковно-приходской школы» [10, с. 139].

Деятельность таких людей воспринималась многими современниками как подвиг служения ещё и потому, что Кавказ в первой половине XIX в., что называется, не был местом сбора праведников. Как пространство, претерпевающее переустройство и находившееся в ситуации вооруженного противостояния, северокавказский фронт не только не мог избежать социальных эксцессов самого пагубного свойства, но не мог не влиять пагубно на существовавшие там нравы. Кроме того, как часть имперского колонизируемого пространства, Северный Кавказ сделался ареалом, куда устремилось многочисленное сословие людей беспутных, пройдох, прожиг и преступников или людей с неопределившимся и неустойчивым мировоззрением, слонявшихся с места на место в поисках приключений. Наоборот, люди благородные, которые понимали важность сохранения и поддержания человеческого достоинства, дисциплины и общественного порядка не составляли там большинства.

Находясь в гуще повседневной жизни, приходские церковнослужители могли, при определенных обстоятельствах, впитывать существовавшие там низменные настроения и заражаться ими, как заражаются испарениями, исходящими от болезнетворных лихорадок, передававшиеся от человека к человеку. Могли устать и потерять устойчивость разума от ежедневного противодействия негативным продуктам местной общественной жизни.

Определенная часть церковнослужителей, чья человеческая природа, вопреки усвоенному ими в семье и в духовных училищах постулатам христианского вероучения, а также примерам служения большого числа их соотечей, надломилась от столкновения с местной действительностью и претерпела различного рода погрешности. Архивные материалы хранят информацию об усилиях церковного начальства по поддержанию чистоты рядов священнических служителей, не выдержавших выпавших им испытаний повседневного существования в условиях неустойчивости предполагавшихся установлений [4, л. 1–18].

Не имея желания или воли противостоять соблазнам собственной плоти, не имея достаточных душевных и нравственных сил, чтобы изменить или побороть негативные проявления фронтирного быта, а также не умея отвлечь воплощавшееся там социально-культурное про-

странство от причин, способствовавших ежедневным большим и малым злодействам, даже в какой-то мере разуверившихся в действенности Слова Божьего, по крайней мере, в вариациях их собственной публичной вербализованной интерпретации, такие церковнослужители впадали в грех отчаяния или погрязали в беспутстве. Одновременно, убоявшись своей слабости и страшась Божьего суда, или, впад в маловменяемое состояние, прятали свой страх на дне бутылки, приводившей их к дальнейшему нравственному падению и деградации.

Немалое число церковнослужителей делались безразличными и оставляли усердие в службе из-за безысходной бедственности своего материального положения. Бедность и унижающая человеческое достоинство скудость повседневного быта, занимала все их помыслы и направляла усилия на поиски способов получения хлеба насущного. Кавказские власти, требовавшие от священников самых разнородных поприщ в рамках государственных предприятий по преобразованию социокультурных условий северокавказского фронта к началу XIX столетия, не озаботились в полной мере создать достаточную материальную базу для существования отягощенных многочисленными семьями и служениями церковнослужителей.

Следует отметить, что материальное обеспечение сельского духовенства в начале XIX в. оставалось весьма скромным. Хотя при императоре Александре I в два раза были увеличены против прежнего таксы за отправление треб, но прекратились начатые наделения церковных причтов земельными участками. При императоре Николае I материальному обеспечению духовенства уделялось чуть больше внимания. Возобновили наделение земельными участками церковных служителей. В 1842–1843 гг. были установлены оклады для епархиального духовенства. «Священнику выдавался оклад от 100 до 180 рублей в год, диакону – 80, дьячку – 40, пономарю – 32 и просфорнице – 14 рублей» [15]. Этого, однако, было мало и не покрывало затрат на самые насущные потребности повседневной жизни.

В какой-то степени остроту ситуации смягчало то, что почти при каждом сельском храме существовал земельный надел, состоявший из пашни и сенокосных угодий, которые помогали причтам поддерживать быт своей семьи в сносном состоянии, чтобы не быть объектом насмешек и не терять авторитета в пастве. «Количество земли делилось между членами причта в той же пропорции, что и все церковные доходы. На трёхштатном приходе (священник, дьячок, пономарь) земля делилась на 5 частей, 3 части получал священник, по одной – причетники. На четырёхштатном – священник получал половину земли, другую половину делили между собой диакон, дьячок и пономарь. Как правило, семья священника не могла эффективно обрабатывать

свой земельный участок как по причине недостатка рабочих рук, так и из-за занятости на службе. Кроме бедности прихода, которую еще каким-то образом можно было перетерпеть, была еще одна причина: холод в храме в зимний период. Поэтому священники и причт мерзли в них, отчего болели и умирали» [16].

Реагируя на бедность и бытовую малоустроенность, даже вопреки предписанному статусу, некоторое число церковнослужителей делались жертвами зависти, дрязг и склок, вынужденные неблагоприятными обстоятельствами соревноваться друг с другом в получении дохода от треб и впадали во всякие непотребства. Показательным примером того могло быть дело, которое слушалось в Кавказском Областном суде, поступившее туда из Ставропольского окружного суда 27 мая 1830 г. и этим судом по многим предметам дополненное. Дьячки Иван Любарский, 17 лет от роду, и Фёдор Новомарьевский, 20 лет от роду, подозревались в краже церковных денег. Этих причтов обвиняли в краже 104 рублей 35 копеек из сундука, хранившегося в церкви селения Рождественского [4, л. 1].

Ситуация сделалась более двусмысленной, когда выяснилось, что при проведении расследования по указу названной консистории благочинным Иоанном Калатузовым, им были взяты с дьячка Любарского 30 рублей, хотя благочинный заявил, что при обыске найдено ничего не было. Однако владелец питейного дома села Рождественского Фёдор Меркулов под присягой показал и на очной ставке уличил Ивана Любарского, который приходил в питейный дом и у которого Меркулов видел ассигнации – одну в 25 рублей, а другую в 5 рублей, которую тот отдал ему в уплату за вино [4, л. 3 об.].

Иван Любарский по поводу 5-рублевой ассигнации сознался, но объявил её своей собственностью, которую он прятал в шапке во время производимого у него обыска. Но тёща его, солдатская вдова Елена Бурцева, показала, что после обыска и по отъезде благочинного Калатузова, она сама обыскала шапку Любарского, и денег там не было. Одновременно с тем, несмотря на непризнание своей вины, Иван Любарский оставался в сильном подозрении, а изобличить дьячка Федора Новомарьевского из-за отсутствия достаточных доказательств, вовсе не удалось.

Виновника кражи 104 рублей 35 копеек из церкви села Рождественского установить не удалось, но постановлено было на пополнение церковной суммы взыскать недостающие деньги со священника той церкви Шимова, исполнявшего должность церковного ктитора Григория Смирницкого и сторожа Архипа Семенихина, так как первый из них, имея в доме своем церковные ключи, отлучившись на покос, не озаботился об их сбережении. Со слов его жены Ефимии Ермолаевой, во время её отлучки на пчельник, неизвестно кем ключи были взяты из их дома, а

затем были найдены ею вечером в кухне на окошке.

Григорий Смирницкий также уходил на долгое время на покос, тогда как обязанность его была наблюдать неослабно не только за целостностью церкви, но и за сторожем, дабы тот никуда «от оной не отлучался» [4, л. 4 об.]. Сторож сам сознался, что оставлял свой пост и не исполнял своей обязанности. К тому же он навлек на себя сомнение в правдивости его показаний, так как во время следствия, проводимого священником Калатузовым, объявлял о наличии у него только 10 рублей ассигнациями, но при обыске у него нашли 10 рублей серебром и ассигнациями 15 рублей. Сторож объяснил свой поступок страхом быть обвиненным в краже церковных денег, но его слова в резон не были приняты.

Между тем учиненный розыск показал, что оба дьячка весьма часто посещали питейный дом и ежедневно «обращаются в пьянстве» [4, л. 1]. К тому же выяснилось, что оба эти персонажа состояли под судом: Любарский обвинялся по определению Кавказского Областного суда в похищении из церкви села Пелагиады серебряного ковша, а Новомарьевский уличался духовной консисторией в буйстве, учиненном на церковной паперти и нанесении вместе со своим отцом побоев дьячку Алексею Богданову, сопровождавшихся «окровавлением оной паперти» и «сверх того, по благочиннической ведомости в поведении не одобрялся» [4, л. 1об.].

Что касалось другого предмета, вошедшего в существо данного дела относительно пристрастного производства следствия священником Калатузовым, то он уличался в том, что взял показания от обоих обвиняемых дьячков и их жен в один день, хотя объявил, что сделал это в разные дни, о чем под присягой свидетельствовал «за депутата пелагиадский волостной староста Кузнецов» [4, л. 5].

Сами обвиняемые дьячки жаловались на притеснения со стороны Калатузова при проведении дознания. Иван Любарский заявил, что Калатузов взял у него 30 рублей ассигнациями, а с Фёдора Новомарьевского и его отца диакона Аврама Александрова требовал во взятку 100 рублей, но, когда не получил требуемого, всемерно старался обвинить обоих в воровстве означенных денег.

Чтобы свести расследование к своей выгоде, благочинный Калатузов принуждал дьячка Любарского оговорить Фёдора Новомарьевского в воровстве церковных денег и дал ему за это две рюмки водки, которой ранее подчивал и Новомарьевского. Об этом свидетельствовали волостной староста Кузнецов и диакон села Богоявленского Матвей Галикарнасов. Иоанн Калатузов этого не отрицал.

Кроме того, выяснилось, что священник-дознатель заковывал дьячков Любарского и Новомарьевского в конские кандалы, для отягче-

ния их участи, отправляя для содержания в Ставропольское городское полицейское управление, чего делать не следовало, поскольку Новомарьевский во вменяемом ему преступлении изобличен не был, а показаний на него со стороны Любарского было недостаточно.

С другой стороны, на показания Фёдора Новомарьевского и отца его диакона Аврама Александрова в требовании от них священником Калатузовым взятки также достаточных доказательств не было представлено. Однако по всем другим вышеизложенным действиям священника Калатузова падало на него сомнение в законности его поступков. Но по недоказанности происшедшего к законной ответственности его привлечь было невозможно. Потому было решено предоставить Новочеркасской духовной консистории самой рассмотреть и оценить правильность и правомочность действий священника Калатузова.

В связи с данными обстоятельствами Архиепископ Новочеркасский и Георгиевский Анастасий утвердил, что дьячки Иван Любарский и Фёдор Новомарьевский, первый по подозрению в похищении денег и серебряного ковша, а последний как порочивший свое поведение пьянством и буйством, далее в духовном звании быть не могут. Обоих исключили из духовного ведомства и передали в Областное Правление – Любарского для «учинения об нем по решению дела рассмотрения, а Новомарьевского для отдачи в военную службу на основании высочайше конфирмованного в 10 день сего года (1831) доклада Святейшего Правительственного Синода» [4, л. 2]. К тому же Областному правлению предписывалось, чтобы оно истребовало объяснение от производившего по данному делу следствие священника Иоанна Калатузова.

Дело о драке между дьячком Алексеем Богдановым с диаконом Аврамом Александровым завершилось тем, что архиепископ Новочеркасский и Георгиевский наложил на них епитимии и по его указанию отправлены они были в Кизлярский монастырь сроком на один год «в наказание за несоответственные духовному званию дерзкие их поступки» [3, л. 40 об.]. Остававшимся их семействам предписано было выдавать положенную часть из доходов, причитавшихся для диакона и причётника [3, л. 40 об.].

Результаты. Проведенный анализ показал, что северокавказский фронт был сложным социально-культурным пространством, способным влиять на нравы и поведение людей посредством имманентно присущих ему разнородных деструктивных факторов.

Повседневное морально-нравственное разложение наиболее существенно затрагивало те слои священнослужителей, которые, оказавшись в неблагоприятных обстоятельствах места и времени, не умели или не хотели противиться им. Социально-бытовая обстановка и социаль-

ное окружение, идейные и политические процессы отражались в биографиях этих людей самым причудливым образом, вопреки вменённым им обязанностям и исполняемым поприщам. Для одних вышеописанная ситуация становилась

фундаментом их нравственного героизма, тогда как для других – дорогой нравственного умпомрачения и деградации. Факторов для обоих способов реагирования на вызовы судьбы было множество.

Литература

1. Баррет Т. М. Линия неопределенности: северокавказский «фронт» России // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Антология. Т. 2. Самара: Самарский университет, 2000. С.163–195.
2. Беляев И. Русские миссии на окраинах. Историко-этнографический очерк. СПб.: Издание П. П. Сойкина, 1900. 308 с.
3. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 90. Оп. 1. Д. 10.
4. ГАСК. Ф. 90. Оп. 1. Д. 98.
5. ГАСК. Ф. 90. Оп. 1. Д. 104.
6. ГАСК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 3.
7. ГАСК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 92.
8. ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 876.
9. Копарев Е. Военное духовенство на Кавказе в XVIII–XXI вв. URL: <https://proza.ru/2009/12/04/670?ysclid=lwnnmszwes443005911> (дата обращения: 15.03.2024).
10. Ласкеев Ф. М. Историческая записка об управлении военным и морским духовенством за минувшее столетие (1800–1900 гг.). СПб.: Товарищество худож. печати, 1900. 151 с.
11. Маркедонов С. М. Южный Кавказ: многоугольник интересов. URL: <https://www.apn.ru/publications/article1406.htm?ysclid=lwyumi7lxm868458378> (дата обращения: 15.03.2024).
12. Общие обязанности военных священников // Свод военных постановлений 1869 г.; изд. 2-е. СПб.: Государственная типография, 1907. Кн. VII. Отд. III. 396 с.
13. Олейников Д. И. Фронт и колонизация. URL: <http://www.timeandspase.lviv.ua/index.ru> (дата обращения: 15.03.2024).
14. Тёрнер Ф. Д. Фронт в американской истории / пер. с англ. М.: Весь мир, 2009. 304 с.
15. Цыпин В. История русской церкви (Синодальный период). URL: <https://history.wikireading.ru/258706?ysclid=lwnnxwtfll57683118> (дата обращения: 15.03.2024).
16. Щепетков М. Священник. Содержание сельского духовенства в XIX в. URL: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2005/07/27/soderzhanie_sel_skogo_duhovenstva_v_xix_v (дата обращения: 15.03.2024).

References

1. Barrett TM. Line of uncertainty: Russia's North Caucasian "frontier". American Russian Studies: Milestones of Historiography of Recent Years. Anthology. Samara: Samara University. 2000;2:163-195. (In Russ.).
2. Belyaev I. Russian missions on the outskirts. Historical and ethnographic essay. St. Petersburg: Publishing house P.P. Soikina; 1900. 308 p. (In Russ.).
3. State Archive of the Stavropol Territory. Fund 90. Inv. 1. Fol. 10. (In Russ.).
4. State Archive of the Stavropol Territory. Fund 90. Inv. 1. Fol. 98. (In Russ.).
5. State Archive of the Stavropol Territory. Fund 90. Inv. 1. Fol. 104. (In Russ.).
6. State Archive of the Stavropol Territory. Fund 135. Inv. 1. Fol. 3. (In Russ.).
7. State Archive of the Stavropol Territory. Fund 135. Inv. 1. Fol. 92. (In Russ.).
8. State Archive of the Stavropol Territory. Fund 444. Inv. 1. Fol. 876. (In Russ.).
9. Koparev E. Military clergy in the Caucasus in the XVIII–XXI centuries. URL: <https://proza.ru/2009/12/04/670?ysclid=lwnnmszwes443005911> (accessed: 15.03.2024). (In Russ.).
10. Laskeev FM. Historical note on the management of the military and naval clergy over the past century (1800–1900). St. Petersburg: Association of Artists Printed; 1900. 151 p. (In Russ.).
11. Markedonov SM. South Caucasus: polygon of interests. URL: <https://www.apn.ru/publications/article1406.htm?ysclid=lwyumi7lxm868458378> (accessed: 15.03.2024). (In Russ.).
12. General duties of military chaplains. Code of military regulations of 1869. Ed. 2nd. St. Petersburg: State Printing House; 1907. Book. VII. Dept. III. 396 p. (In Russ.).
13. Oleynikov DI. Frontier and colonization. URL: <http://www.timeandspase.lviv.ua/index.ru> (accessed: 15.03.2024). (In Russ.).
14. Turner FD. Frontier in American history. Moscow: Whole world; 2009. 304 p. (In Russ.).
15. Tsy-pin V. History of the Russian Church (Synodal period). URL: <https://history.wikireading.ru/258706?ysclid=lwnnxwtfll57683118> (accessed: 15.03.2024). (In Russ.).
16. Shchepetkov M. Priest. Maintenance of the rural clergy in the 19th century. URL: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2005/07/27/soderzhanie_sel_skogo_duhovenstva_v_xix_v (accessed: 15.03.2024). (In Russ.).